
Часть первая

ВОЙНА

A decorative flourish consisting of several overlapping, flowing lines in black and grey, framing the text. The lines are elegant and calligraphic, with some forming loops and others sweeping across the page.

**О ГИБЕЛИ
БОГАТЫРЕЙ РУССКИХ**

Широкая, покрытая снегом равнина вся сверкала на солнце, так что больно смотреть. Мальчик в драном тулупчике, с куском овчины на голове, заменявшим шапку, шел и жмурился, а иногда тер глаза — путь лежал навстречу солнцу, на восход. Внизу всё было белое, сверху голубое, сшитое между собой золотыми нитями. Но красота зимнего мира мальчика не радовала. Он сопел, злился на плетущегося сзади старика. Во-первых, тому было легче идти по уже протоптанному. Во-вторых, слепому не приходилось щуриться от нестерпимо яркого сияния. А в-третьих, дед нынче был не в духе, всё норовил ткнуть в спину посохом.

— Ты по дороге идешь иль напрямки прешься? Не сбился, дурья башка? Идем, идем, а

встречных никого нет, — бурчал слепец. — Ноги-то не подымай, приволакивай. Разгребай снег, разгребай!

Получив очередной удар, мальчишка шмыгнул носом, зашуршал войлочными чунями, прокладывая тропку пошире. На прямой, как копье, дороге, обрамленной сугробами, снег был не такой уж глубокий — только тот, каким припорошило за ночь. Но с рассвета здесь еще никто не прошел, не проехал. Снежный покров был нетронут.

— Куды тащимся, — ворчал поводырь, ускоряя шаг — подальше от клюки. — Может, наврали тебе в Свиристеле, надсмеялись над калекой. Людей не видно, ничего не видно. Нет там никакого села. До ночи не дойдем — замерзнем в поле.

Морозец был легкий, покусывал немного, будто игривый кутенок, но к вечеру щенок вырастет в лютого кобеля с острыми зубищами. До захода, впрочем, было далеко. День только начинался.

Палка впустую рассекла воздух — не достала.

— Дурень! Дорога есть — значит, куда-то ведет, иначе на кой она? И село есть. Называется Овчарово, там овчары живут. Большое село, богатое, с церковью да с колоколенкой. — Старик говорил бойко, будто сказку рассказывал. Он и был сказочник. — Вот за Овчаровым уж точно

ничего нет, одна только степь, до самого края земли. А про Овчарово-село мне на княжьем дворе все рассказали. Село новое, после Половецкого замирения поставленное. Овчары легко живут, сытно. Землю не пахут, потому у них — луга с душистыми травами. Знай овец с пастбища на пастбище гоняют да шерсть стригут. Церковь у них железом крытая, с медным колоколом. У попа свой терем со службами. И поп тот большущий охотник до былин и сказок. Пока все не переслушает, от себя не отпустит. Если повезет, там, в Овчарове, и перезимует.

— Лучше бы в Свиристеле перезимовали. Ладный город.

— Ладный-то ладный, да вишь князь с княгиней какие, — вздохнул слепец, поправляя за спиной мешок с гусями. — Щедрый, ласковый, а привередливый. Какую сказку ни начни — говорят, знаем, другую давай, какой не слыхивали.

— Так насочинял бы новых. Не пришлось бы тащиться по холоду невесть куда.

— «Насочинял бы». Будто это орехи щелкать.

— Нащелкаешь ты орехов, без зубов-то, — одними губами прошептал парнишка.

Но слух у калеки был острый — услышал.

— Поговори, куренок!

Посох опять впустую рассек воздух.

Преппирательство было привычное, не для ругани, а чтоб не заскучать от долгой ходьбы.

Пожевав морщинистыми губами, потеряв рукавом заиндевевшую седую бороду, старик пробормотал:

— ...И то, чем снег без толку месить. Сочиню-ка. А ты запоминай, слышь?

Память у калики в последнее время начинала слабеть. Старые былины и песни хорошо помнил, а новые, случалось, забывал. Это обидно, особенно если хорошо сочинилось. Но у мальчишки, даром что дурак, память была цепкая. За то его сказитель и кормил. Поводырствовать всякий может, а чтоб длинный сказ в точности повторить и ничего не перевернуть — это от Бога. В добрую минуту, хорошо поев и обогрившись, слепец говаривал: «Повезло тебе, Савша. Вот помру я, а тебе с зеленых лет верный кусок хлеба останется. Сам ты сказок не сложишь, но тебе и моих до скончания жизни хватит. Глаза только себе выколи — люди больше давать будут. На кой они, глаза? Суета от них одна и завидство».

— Про битву на Калке-реке любят, — заговорил сам с собой быличник. — Но про нее все нынешние поют. Князь вон и слушать не стал. Надо бы Калку эту как-нибудь поновить... Перевернуть, чтоб заиграла...

Мальчишка шел, помалкивал. Знал: сейчас мешать нельзя.

— Хороший сказ, какой люди любят, он что? — продолжал рассуждать слепой. — Чтоб был с богатырями и красавицами, это бесприменно. Чтоб со слезой — бабам поплакать. И с надеждой в конце, а то и поколотить могут.

Помычал, поболботал неразборчивое, попробовал напеть сначала басисто, потом тонко, жалобно. Откашлялся.

— Ну, слушай, Савка. И гляди у меня, если перевернешь... Запущу я про Калку вот как, никто еще так не сказывал. Все говорят: на Калке проклятой русские богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич и Попович Алеша голову сложили. Но как сложили, никто не знает.

— А ты знаешь? — с любопытством обернулся поводырь.

— «Быль о гибели богатырей русских», — торжественно объявил былинник, не слушая. Сбился, опять забормотал: — Сначала про Божью кару спою. Как Господь за грехи наши прогневался, степное лихо наслал. Это можно из «Былины о Святославе Гориславиче» взять, только «поганых половцев» на «поганых татаровей» поменять, а Тугарина на Субудай-хана, и ладно будет. А потом сразу про то, как богатыри с женами прощались.

И затаянул, принаравливая медленный напев к таким же небыстрым шагам:

— «У Ильи жена — дочь кузнецкая, а по имени Марья Ниловна. Говорит ему, сама плачется, слезы горькие утираючи: «Ты возьми, Илья, крестик кованый да повесь его под рубахою. То железный крест — он с молитвою, с наговорами мною выкован. Коль навалится сила лютая, сила грозная, несразимая, ты сорви с груди крест намоленный да коснися им до сырой земли. Земля-матушка тут расступится, заберет тебя, упадет тебя. Обратишься ты малой семечкой и спасешься тем от погибели»».

— Илья Муромец — малой семечкой? — недоверчиво спросил мальчик.

— Никшни! Повтори лучше, верно ли запомнил.

Поводырь повторил слово в слово.

— То-то. Дальше слушай. «У честного Добрыни Никитича — Евпраксия жена, лебедь белая, пава райская, дочь боярская. Повязала снурок, нить шелкóвую, на снурке на том мала ладанка. «Гой ты, сокол мой, мил Добрынюшка, знать, не скоро нам с тобой свидеться. На погибель ты отправляешься, биться с ворогом нечисляемым, с ратью страшною, сатанинскою. Но когда от ран изнеможешься, когда верный меч переломится, разорви снурок из последних

сил да подбрось заветную ладанку. Ты взлетишь за ней ясным соколом, в облака взлетишь, в небо чистое. Не пронзят тебя копыя острые, не догонят стрелы каленые». Ну-ка!

Парнишка старательно пропел весь кусок, стараясь, как и сказитель, говорить за «лебедь белую, паву райскую» тоненьким голосом.

— Теперь про Алешу Поповича. «А Алешу, сына поповского, провожала девка пригожая — черноглазая, ведьмоватая, с половецким полом добытая. И взяла она кольцо медное, трижды молвила слово тайное и надела тот перстень любому через лево плечо да на малый перст. «Если гибель придет неминучая, помяни меня, девку грешную, да стряхни кольцо в зелену траву — только тем от смерти избавишься. Обратишься ты змейкой медною, уползешь подзёмь, в норы темные, а враги твои ненасытные так голодными и останутся...» — Старик оборвал пение, деловито сказал: — Ну, про битву-бой я из старого намешаю. — И скороговоркой: — «Как махнет Илья саблей вострою, так прорубит по вдоль переулочек, вдругорядь махнет, раззадорившись, средь татар откроется улица» и всяко такое. Это ладно... А в конце опять запущу новое: «Налетают злые татарове, рубят саблями, колют копыями. И повеитекла у Илюшеньки из глубоких ран чиста кровушка, нету мочи щит от земли